

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский

Смерть за смерть (без. илл.) (Статьи с сайта saint-juste.narod.ru)

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (собственно Кравчинский; литературный псевдоним — С. Степняк) (1851—1895) — русский и итальянский революционер; русский, итальянский и английский писатель, публицист, переводчик и историк.

Родился в Полтавской губернии в семье военного врача. По окончании Орловской военной гимназии поступил в 3-е военное Александровское училище в Москве, затем в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. В 1870 году окончил его, назначен в 3-ю резервную артиллерийскую бригаду в чине подпоручика. В 1871 году вышел в отставку и поступил Петербургский Лесной институт, из которого выбыл в 1873 году, не окончив курса («ушел в народ»).

Еще в артиллерийском училище организовал вместе с Л. Шишко нелегальную библиотеку. С весны 1872 года вошел в петербургский кружок «чайковцев», вел пропаганду среди юнкеров Михайловского артиллерийского училища, писал пропагандистские сказки («Мудрица Наумовна», «Сказка о копейке»), читал рабочим в кружке лекции по истории и политэкономии. В 1873 году — один из первых участников «хождения в на-

род». С ноября 1873 года под видом пильщика вел пропаганду среди крестьян Новоторжского уезда Тверской губернии, был задержан, бежал из-под стражи.

С 1874 года жил в Москве на нелегальном положении под фамилиями Ельцинского и Михайлова, вошел в тесные сношения с московскими пропагандистскими кружками. В том же году выехал за границу, в 1875 году принимал участие в Герцеговинском восстании. После подавления восстания нелегально вернулся в Москву, организовал несколько дерзких побегов революционеров из тюрем, после чего был вынужден, спасаясь от ареста, вновь скрыться за границей.

Весной 1877 года вместе с бакунистами Кафиеро, Малатестой и другими принял участие в вооруженном восстании в итальянской провинции Беневенто. Был взят в плен с оружием в руках и провел девять месяцев в тюрьме в ожидании смертной казни. Амнистирован по случаю вступления на престол короля Гумберта I и выслан из Италии. В начале 1878 года в Женеве входил (вместе с Л. Дейчем и П. Аксельродом) в редакцию журнала «Община». В том же году советом общества «Земля и воля» вызван в Россию в качестве редактора центрального органа общества. В мае 1878 года вернулся из-за границы и вместе с А. Зунделевичем привез типографские принадлежности для землевольческой типографии. Летом 1878 года был принят в центральную группу «Земли и воли». 4 августа 1878 года убил кинжалом на улице шефа жандармов Мезенцева и скрылся. В ноябре 1878 года выехал в Швейцарию, где опубликовал брошюру «Смерть за смерть», объяснявшую мотивы покушения. До 1881 года жил в Швейцарии под псевдонимом, занимался переводами. После казни народовольцами Александра II царское правительство потребовало выдачи Кравчинского, в силу чего ему пришлось нелегально перебраться в

Италию.

В 1880-е годы Кравчинский получил большую известность (под псевдонимом «С. Степняк») произведениями о русских революционерах. Его книга «Подпольная Россия» была издана в Италии по-итальянски и вскоре переведена на множество языков мира. Царское правительство потребовало от Италии выдачи Кравчинского, и в 1884 году он был вынужден эмигрировать в Великобританию. Здесь его друзьями стали Фридрих Энгельс, Уильям Моррис, Эдуард Бернштейн, Иван Франко и многие другие известные общественные и литературные деятели. Одной из подруг и сотрудниц Кравчинского была писательница Этель Лилиан Войнич, которую он обучил русскому языку. Ее роман «Овод» (1897) распространялся в России подпольщиками.

В 1885 году вышла в свет книга Кравчинского «Russia under the Tsars» («Россия под властью царей»), через год — книга «Русская грозная туча», а в 1888 году — монография «Русское крестьянство, его экономическое положение, общественная жизнь и религия». В том же году под редакцией Элеоноры и Эдуарда Эвелингов выходит роман Кравчинского «The Career of a Nihilist» («Жизнь нигилиста», русское название — «Андрей Кожухов»). За границей Кравчинский активно участвовал в общественной жизни. В 1890 году в Англии по его инициативе возникло «Общество друзей русской свободы», выпускавшее англоязычный ежемесячник «Фри Раша». Редактором журнала до 1893 года был сам Кравчинский. В тот же период Кравчинским был организован «Фонд вольной русской прессы», который занимался изданием и переправкой в Россию агитационной литературы. В эти годы Кравчинский пишет повесть «Домик на Волге» и два эссе: «Заграничная агитация» и «Чего нам нужно и начало конца». В 1891 го-

ду совместно с Хесбой Стреттон Кравчинский собирает материал для книги о сектантах-штундистах в России. Итогом этой деятельности стали два варианта книги — роман «Штундист Павел Руденко» и изданный в 1895 году на английском языке «Highway of Sorrow at the close of the 19th Centure» («Великий путь скорби»). Несмотря на соавторство, по просьбе Степняка его имя не было упомянуто. В 1893 году писатель перевёл и издал «Подпольную Россию» на русском языке. В 1895 году вышла в свет его последняя книга «King Stork and King Log» («Царь-чурбан и царь-цапля»), в которой были описаны конец правления Александра III и первые дни правления Николая II. В декабре 1895 года Кравчинский погиб, попав под поезд в Лондоне.

Произведения С. М. Степняка-Кравчинского переведены на большинство европейских языков. Его книги неоднократно издавались после 1905 года и в советский период.

Опубликовано отдельным изданием: Степняк-Кравчинский С. Смерть за смерть. Пб.: Госиздат, 1920.

Комментарии Романа Водченко и Александра Тарасова.

Сергей Степняк-Кравчинский

Смерть за смерть

Посвящается святой памяти Мученика Ивана Мартыновича Ковальского[1]

*,
расстрелянного опричниками за защиту своей свободы 2 августа 1878 года в г. Одессе*

Шеф жандармов — глава шайки, державшей под своей пятой всю Россию, убит. Мало кто не догадался, чьими руками был нанесен удар. Но, во избежание всяких недоразумений, мы объявляем во всеобщее сведение, что шеф жандармов генерал-адъютант Мезенцев действительно убит нами, революционерами-социалистами.

Объявляем также, что убийство это как не было первым фактом подобного рода, так не будет и последним, если правительство будет упорствовать в сохранении ныне действующей системы.

Мы — социалисты. Цель наша — разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень всех страданий человечества. Поэтому политические формы сами по себе для нас со-

вершенно безразличны. Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство толкнуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер.

Убийство — вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишиться жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обречших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему.

Оно довело нас до этого своей цинической игрой десятками и сотнями человеческих жизней и тем наглым презрением к какому бы то ни было праву, которое оно всегда обна-

руживало в отношении к нам.

Мы не будем перечислять всех свирепостей, совершенных над нами в течение последнего десятилетия. Упомянем только о последних. Все помнят большой процесс, так называемый «процесс 193-х»[2]. Сам Желеховский[3], бессовестный Желеховский, публично заявил на нем, что из всех привлеченных им к суду только девятнадцать человек действительно виновны. Все же остальные (вместе, стало быть, с семью — восемьюстами выпущенных до суда и просидевших кто год, кто два, кто три), все остальные — привлечены лишь для оттенения виновности помянутых девятнадцати. А между тем из этих «оттенителей» 80 человек — почти все молодых, свежих юношей и девушек — умерло либо в самой тюрьме во время четырехлетнего предварительного заключения, либо тотчас по выходе из тюрьмы. А из выживших нет почти ни одного, кто не вынес бы из тюрьмы весьма серьезной, часто смертельной болезни!

За что же погублено столько молодых сил, за что разбито столько жизней?

Но этого мало. Сенат нашел невозможным

осудить и 19 человек, которых требовал от него Желеховский. Один Ипполит Никитич Мышкин[4] был приговорен к каторжным работам. Все же прочие были либо совершенно оправданы; либо присуждены к самым легким — для нас, привыкших ко всяким свирепостям — наказаниям.

Чтобы постановить такое решение, Сенат воспользовался своим юридическим правом, в форме ходатайства о помиловании, смягчать следуемое по букве закона наказание в тех случаях, когда, по его убеждению, этого требует юридическая справедливость. Что судебное ходатайство о помиловании имеет именно такой смысл, что оно не то же, что воззвание адвоката к милосердию и человеколюбию — это говорили нам и повторяют всякому все юристы. Насколько сам Сенат, главный прокурор, председатель суда были убеждены в том, что приговор суда окончателен, доказывается тем, что они выпустили на поруки, например, Ив. Ив. Добровольского[5], которому независимо от ходатайства следовало 9 лет центральной тюрьмы!

Как было обмануто такое убеждение — из-

вестно всем.

По стараниям шефа жандармов Мезенцева [6] вместе с его достойным пособником графом Паленом[7] приговор был отменен и составлен новый, возмутительный по своей жестокости и полному, абсолютному пренебрежению ко всякому признаку законности. Без всякого отношения к уликам, без всякого внимания к каким бы то ни было указаниям предварительного или судебного следствия из всех обвиненных выхватили 12 человек, которых, вместо ссылки и поселения, отправили на каторгу — одних в Сибирь, других в центральные тюрьмы. Затем 28 человек отдали на полный произвол администрации, которая двум из них назначила наказание, превышающее даже то, к которому их формально, независимо от ходатайства, приговорил суд.

Вот как уважают жандармы законы и суд, если когда-нибудь они случайно окажутся на нашей стороне!

Но как ни возмутительно здесь такое наглое самоуправство жандармов и их клеветов, как ни чудовищно, как ни беспримерно в

истории их бессовестное издевательство над судом и обществом, над всеми человеческими правами, тем не менее мы можем указать на факты еще большего, просто цинического презрения их ко всякому закону. Мало того, что они нас хватают по своему полному произволу, без всякой санкции какой бы то ни было, хотя бы даже русской, рабски покорной юридической власти; мало того, что они по произволу перерешают приговоры даже таких судов, как Особое присутствие Сената, — на самые приговоры, ими самими продиктованные, они просто плюют, когда им это покажется выгодным.

Вот факт, известный всей России, первые пионеры современного великого движения, многострадальные долгушинцы: Папин, Плотников, Дмоховский[8] и товарищи за распространение нескольких книжек, по приказанию третьего отделения, были приговорены к самым страшным, самым бесчеловечным наказаниям. Но теперь срок наказания для многих из них (Плотникова, Папина) кончился. И что же? Их продолжают держать совершенно так же, как и прежде, в той же цен-

тральной тюрьме, при таких условиях, от которых волосы становятся дыбом. А Н.Г. Чернышевский? Кто не знает, что уже много лет, как кончился срок его наказания, а его все продолжают держать в той же тундре, окруженного двенадцатью жандармами!

Вот что делают у нас жандармы! Наша свобода, жизнь, жизнь всех людей нам близких отданы на полный произвол первой жандармской ищейки!

Где же, в чем, в ком найти нам защиту драгоценнейших своих прав — свободы, жизни?

Обратиться к обществу, к печати?

Да разве все наши страдания, наши процессы, наши осуждения не были одним долгим, непрерывным воплем, обращенным ко всему, в чем жива искра человечности?

Что же ответило нам наше оппозиционное, фрондирующее общество при вести о сотнях замученных, о других сотнях осужденных на медленное замучивание, при рассказе об унижениях, об истязаниях, которым нас подвергают?

Наши жалкие либералы умели только хныкать. При первом же слове об активном,

открытом протесте, они бледнели, трепетали и позорно пятились назад.

А печать!..

При ней, на ее глазах совершались все эти зверства над нами. Она их слышала, видела, даже описывала. Она понимала всю их гнусность, потому что перед ее глазами была вся Европа, государственному устройству которой она сочувствовала.

И что же? Хоть бы слово, хоть бы единое слово сказала она в нашу защиту, в защиту священных прав человека, которые поругивались в нашем лице! Но она молчала.

Что ей справедливость, честь, человеческое достоинство! Ей нужны только пяточки с розничной продажи. Убеждение, право мыслить, неприкосновенность личности — все меркнет для нее перед блеском пяточка. Из-за него она будет лизать руку, еще вчера побившую ее по щекам, будет кланяться, унижаться! Рабы, рабы! Есть ли в мире такой кнут, который заставит наконец выпрямиться вашу рабски изогнутую спину? Есть ли такая пощечина, от которой вы поднимете, наконец, голову?

Молчит печать. Молчит общество. Мы, социалисты, отданы на съедение жандармам. Они делают с нами все, что им угодно.

Пусть же ответит нам всякий честный, порядочный человек, что же остается нам делать?

Если к человеку врывается в дом шайка разбойников, то, по всеми признанному естественному праву, он может защищаться с оружием в руках. Мы спрашиваем, чем лучше разбойников жандармы, вламывающиеся ночью в чью-нибудь квартиру? Разве смерть от ножа или кистеня не во сто крат лучше медленного, многолетнего замаривания в крепости или в «предварительном», среди всяких нравственных и физических пыток, как были заморены 80 человек «процесса 193-х» и сотни из привлеченных по другим процессам? Жандармы — представители закона. Нас ждет впереди суд. Но разве существуют для нас какие-нибудь гарантии против жандармского произвола? Разве есть над жандармами суд? Напомним снова о тех немногих примерах, которые мы указали, и пусть найдется такой подлец, который осмелится сказать, что наше

утверждение ложно!

Что же нам остается, как не защищать с оружием в руках свою жизнь и свободу против жандармов, являющихся к нам с обыском, как мы защищаем ее против разбойников, нападающих на нас на большой дороге?

Так поступил Ковальский с товарищами и имел полное право так поступить. Освирепевшие опричники расстреляли его, тайком, втихомолку, боясь публики.

Последними словами, сказанными им своим палачам, были:

— Знайте, что у меня есть на свободе друзья, которые отомстят за меня!

И он не ошибся.

Нашлись мстители. Найдутся и последователи. Но самое большое, что можно достигнуть этим способом — это случайное личное освобождение. Мы поражаем слепых исполнителей чужой воли, почти всегда ненавидящих тех, кому из страха они повинуются. Настоящие же виновники всегда остаются безнаказанными и из золотых своих покоев снова будут посылать на нечаянные ночные нападения на нас свое пушечное мясо.

Нужно было добраться до настоящих виновников

Поставленные русским правительством вне закона, лишённые всех гарантий, доставляемых общественным союзом, на основании верховного права всякого человека на самозащиту, мы должны были сами принять на себя защиту своих человеческих прав, подобно тому, как это делает человек или группа людей, живущих в дикой первобытной стране.

Мы создали над виновниками и распорядителями тех свирепостей, которые совершаются над нами, свой суд, суд справедливый, как те идеи, которые мы защищаем, и страшный, как те условия, в которые нас поставило само правительство.

Этим судом генерал-адъютант Мезенцев за все свои злодеяния против нас был признан заслуживающим смерти, каковой приговор и был приведен над ним в исполнение на Михайловской площади утром 4 августа 1878 года.

Предоставляя себе изложить все его преступления в первом же номере имеющего вскоре появиться органа нашего «Земля и во-

ля», мы считаем необходимым перечислить их здесь вкратце, чтобы стало известным всем, кому о том знать подлежит, что Мезенцев убит нами не как воплощение известного принципа, не как человек, занимающий пост шефа жандармов; мы считаем убийство мерой слишком ужасной, чтобы прибегать к ней для демонстрации, — генерал-адъютант Мезенцев убит нами, как человек совершивший ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать.

Генерал-адъютант Мезенцев —

1) Главный виновник отмены сенатского приговора по «процессу 193-х» и составитель нового, о чем говорено нами выше.

Генерал-адъютант Мезенцев —

2) Главный виновник в том, что когда 30 человек наших товарищей, заключенных в Петропавловской крепости, заявили свои требования (в конце июня текущего года): 1) самые скромные — так как они желали только несколько большего количества воздуха и движения, абсолютно необходимых для их расстроенного 4-летним предварительным заключением здоровья; 2) самые удобоиспол-

нительные даже при русской администрации, так как часть заключенных уже пользовалась ими, сидя в доме предварительного заключения, — крепостное начальство, по прямому приказанию шефа жандармов, решительно заявило им, что их требования не будут никогда исполнены. Когда же заключенные, в числе 30 человек, объявили, что они намерены в таком случае заморить себя голодом, шеф жандармов имел бесчеловечие в течение шести дней морить голодом этих больных замученных людей, чтобы только не удовлетворить их скромнейших требований. Когда же он увидел, что голодание может иметь роковые последствия (на шестой день голода у Мозгового[9] появилась сильная рвота, у Натансона[10] — обмороки, у В. Костюрина[11] — головная боль), то прибег к самому подлому обману для прекращения его.

Генерал-адъютант Мезенцев —

3) Главный виновник в той кулачной расправе, которая была предпринята над теми же заключенными, когда они, узнав об обмане, снова возобновили свой протест. *[Примечание автора. Во время упомянутой распра-*

вы были пущены в ход штыки, так что двое из заключенных едва не были проколоты. На Чудновского[12] была надета сумасшедшая рубаха[13], и в таком виде он был привязан к кровати. Некоторых из заключенных посадили в карцер; остальных же, а именно ожидающих еще суда, лишили столов, скамеек, гуляния на целую неделю и, как говорят, привязали к кроватям.]

4) Генерал-адъютант Мезенцев виновен, наконец, как подстрекатель и внушитель тех свирепостей, которые были предприняты против социалистов в разных городах России, преимущественно же в городе Одессе.

5) Мезенцеву принадлежит, сверх того, введение так называемой административной ссылки в Восточную Сибирь, меры, о бесправии которой говорить излишне и которой он подвергал людей за одну простую непокорность его воле, как было, например, с Табелем и Фрессером.

Вот за что генерал-адъютант Мезенцев был признан достойным смерти.

Господа правительствующие жандармы, администраторы. Вам повинуется миллион-

ная армия и многочисленная полиция; вашими шпионами наводнены все города и скоро наводнятся все деревни; ужасны ваши тюрьмы и беспощадны ваши казни. Но знайте: со всеми вашими армиями, полициями, тюрьмами и казнями вы бессильны и беспомощны против нас! Никакими казнями вы нас не запугаете! никакими силами не защититесь от руки нашей!

Вы перепугались от наших первых ударов и решились прибегнуть к военному суду, чтобы устрашить нас перспективой кровавых казней.

Горе, горе вам, если вы решитесь идти до конца по этому пути. Нас вы не напугаете — это знаете вы сами. Вы нас сделаете только еще беспощаднее к вам. И знайте, что у нас есть средства еще более ужасные, чем те, которых силу вы уже испытали; но мы не употребляли их до сих пор, потому что они слишком ужасны. Берегитесь же доводить нас до крайности и помните, что мы никогда не грим даром!

Господа правительствующие жандармы, администраторы, вот вам наше последнее

СЛОВО:

Вы — представители власти; мы — противники всякого порабощения человека человеком, поэтому вы наши враги и между нами не может быть примирения. Вы должны быть уничтожены и будете уничтожены! Но мы считаем, что не политическое рабство порождает экономическое, а наоборот. Мы убеждены, что с уничтожением экономического неравенства уничтожится народная нищета, а с нею вместе невежество, суеверия и предрассудки, которыми держится всякая власть. Вот почему мы как нельзя более склонны оставить в покое вас, правительствующие. Наши настоящие враги — буржуазия, которая теперь прячется за вашей спиной, хотя и ненавидит вас, потому что и ей вы связываете руки.

Так посторонитесь же! Не мешайте нам бороться с нашими настоящими врагами, и мы оставим вас в покое. Пока не свалим мы теперешнего экономического строя, вы можете мирно почивать под тенью ваших обильных смоковниц.

До тех же пор, пока вы будете упорство-

вать в сохранении теперешнего дикого беспорядка, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас.

Мы еще недостаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу во всей ее широте. Это правда. Но не ободряйтесь.

Не по дням, а по часам растет наше великое движение.

Припомните, давно ли вступило оно на тот путь, по которому идет. С выстрела Веры Засулич прошло всего полгода. Смотрите же, какие размеры оно приняло теперь! А ведь такие движения растут все с возрастающей силой, подобно тому, как лавина падает со все возрастающей скоростью. Подумайте: что же будет через какие-нибудь полгода, год?

Да и много ли нужно, чтобы держать в страхе таких людей, как вы, господа правительствующие?

Много ли нужно было, чтобы наполнить ужасом такие города, как Харьков и Киев?[14]

Подумайте об этом, господа, и затем выслушайте наши требования:

1) Мы требуем полного прекращения всяких преследований за выражение каких бы то ни было убеждений как словесно, так и печатно.

2) Мы требуем полного уничтожения всякого административного произвола и полной ненаказуемости за поступки какого бы то ни было характера иначе, как по свободному приговору народного суда присяжных.

3) Мы требуем полной амнистии для всех политических преступников без различия категорий и национальностей, — что логически вытекает из первых двух требований.

Вот чего мы требуем от вас, господа правительствующие. Большого от вас мы не требуем, потому что большего вы дать не в силах. Это большее в руках буржуазии, у которой мы и вырвем его вместе с жизнью. Но это уже наши счета. Не мешайтесь в них. Точно так же и мы мешаться не станем в ваши домашние дела.

До вопроса о разделении власти между вами и буржуазией нам нет решительно никакого дела. Давайте или не давайте конституцию, призывайте выборных или не призывайте

вайте, назначайте их из землевладельцев, попов или жандармов — это нам совершенно безразлично. Не нарушайте наших человеческих прав — вот все, чего мы хотим от вас.

Теперь два слова шавкам во всевозможных ошейниках.

Мы нисколько не обольщаемся насчет значения этого нашего заявления. Мы вовсе не надеемся, чтобы правительство наше оказалось настолько сообразительным, а наша либеральная печать настолько честною, чтобы сознаться, что немедленное удовлетворение наших требований — единственное лекарство против «болезни», о которой теперь причитывают разные газетные салопницы. Цель нашего заявления — выяснить живой части русского общества, нашим молодым друзьям в разных концах России и нашим иноземным товарищам по делу и убеждениям как причины, так и истинный смысл фактов, подобных совершенному 4-го августа, так как в противном случае эти факты могли быть неверно истолкованы как в ту, так и в другую сторону.

Что же касается до правительства, то пусть поступает, как ему угодно. Мы ко всему гото-

ВЫ...

Август 1878

Примечания

Ковальский Иван Мартынович (1850—1878) — российский революционер. Сын священника. Сотрудник ряда периодических изданий, в том числе «Отечественных записок». Привлекался по делу «193-х» за имение рукописей противоправительственного содержания и вследствие политической неблагонадежности. В наказание ему было вменено предварительное заключение, за ним был установлен особый надзор полиции. В конце 1876 г. переехал в Одессу, организовал революционный кружок. В начале 1878 г. был арестован, при аресте оказал вооруженное сопротивление. Был обвинен, помимо сопротивления, в проживании под чужим именем и составлении антиправительственных воззваний. От начала слушанья дела Ковальского в Одесском военно-окружном суде до приведения смертного приговора через расстрел в исполнение прошло лишь 13 дней.

«Процесс 193-х» — судебное дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего сената с 18 (30) октября 1877 по 23 января (4 февраля) 1878 г. К суду были привлечены участники «хождения в народ», которые были арестованы за революционную пропаганду с 1873 по 1877 г. и число которых достигало 4 тысяч человек. Против подавляющего большинства из них не было каких-либо улик, поэтому многие были сосланы без следствия в административном порядке. Власти, желая провести образцово-показательный процесс, пытались доказать существование единой общероссийской организации, поэтому следствие тянулось 3,5 года. Все это время подследственные находились в тюрьмах, к началу процесса 38 из них сошли с ума, 12 — покончили с собой, 43 — скончались до предъявления обвинения и еще четверо — после. В итоге на процесс было выведено 193 человека. В связи с нелепостью обвинений и отсутствием доказательств суд проходил при за-

крытых дверях. Суд приговорил 28 человек к каторжным работам от 3 до 10 лет, 36 — к ссылке, более 30 человек — к менее тяжелым формам наказания. Остальные были оправданы (или освобождены от наказания ввиду продолжительности нахождения в предварительном заключении), но Александр II санкционировал административную высылку для 80 человек из 90, оправданных судом. «Завещание» осужденных, выдающаяся речь И.Н. Мышкина и материалы суда послужили важным орудием пропаганды в последующие годы и возбудили интерес мировой общественности к революционному движению в России.

[^^^]

Желеховский Владислав Антонович (1843 или 1844 — после 1917) — действительный тайный советник, товарищ (заместитель) обер-прокурора Сената, затем — сенатор. По выражению А.Ф. Кони, «судебный наездник», «воплощенная желчь». Прославился предвзятостью, цинизмом, подлогами на «процессе 193-х» в 1877—1878 гг., прибег к подлогу и на «процессе 17-ти»: агентурный донос, на который по закону нельзя было опереться, выдал за показания подсудимого А.С. Борейши и, таким образом, попытался заодно скомпрометировать Борейшу в глазах его товарищей.

[^^^]

Мышкин Ипполит Никитич (1848—1885) — российский революционер, народник. В революционном народническом движении — с первой половины 70-х гг. В 1874 г. в Москве организовал массовый выпуск народнической литературы. В 1875 г. предпринял попытку освободить Н.Г. Чернышевского из вилюйской ссылки. Был арестован. На «процессе 193-х» 15 ноября 1877 г. произнес блестящую речь. Приговорен к 10 годам каторги. За выступление в Иркутской каторжной тюрьме с призывом к свободе срок каторги был увеличен еще на 15 лет. С 1884 г. отбывал заключение в Шлиссельбурге, где в знак протеста против тюремного режима оскорбил смотрителя. Расстрелян во дворе Шлиссельбургской крепости 26 января 1885 г.

[^^^]

Добровольский Иван Иванович (1849—1933) — земский врач, ученый, писатель-публицист, революционер. Из семьи бедного чиновника, воспитывался в Сиротского институте, в конце 1873 г. закончил Петербургскую медико-хирургическую академию. Работал земским врачом в Ярославской губернии, пользовался уважением крестьян, вел среди них просветительскую работу. Летом 1874 г. за революционную пропаганду был заключен в местную тюрьму, где провел два года. В ходе «процесса 193-х» был отпущен под залог и подписку о невыезде. В 1878 г. царь отдал приказ об аресте Добровольского, которому пришлось покинуть страну. До возвращения в Россию в 1905 г. проживал в Швейцарии, сотрудничал со многими российскими изданиями, ведя в том числе и научные рубрики. В начале 1920-х гг. работал над проблемами энергетики, его книга «Свободные силы природы и их использование» была издана в 1925 г.

[^^^]

Мезенцев (Мезенцов) Николай Владимирович (1827—1878) — российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант. Происходил из высших кругов империи (внук графа Николая Зубова, убийцы Павла I, сын генерал-майора). Участник Крымской войны, подавления Польского восстания 1863 г. С 1861 г. — флигель-адъютант Александра II. С 1864 г. — на жандармской службе, с 1876 г. — шеф жандармов и начальник III Отделения. Отличался особым рвением в деле «искоренения крамолы», добился серьезного расширения штата III Отделения и значительного увеличения его финансирования. Составил для царя список оправданных на «процессе 193-х», которые, вопреки решению суда, были отправлены в ссылку. Заколот С.М. Кравчинским на Михайловской площади в Петербурге.

[^^^]

фон дер Пален Константин Иванович (1833—1912) — российский государственный деятель, глава Псковской губернии (1864—1867), министр юстиции в 1867—1878 гг., с 1878 г. — член Государственного совета. На посту министра юстиции препятствовал полноценному действию судебных уставов 1864 г., в частности, ограничил круг действий суда присяжных.

[^^^]

Папин Иван Иванович (1849—1907) — российский революционер, член основного кружка долгушинцев (1872—1873). За пропаганду среди крестьян в 1874 г. приговорен к лишению всех прав состояния и 5 годам каторги на заводах. Царь отказался смягчить приговор. За дерзкое поведение при объявлении приговора Папин отбывал назначенные пять лет в Новобелгородском центральном, известном жестокостью условий содержания. Летом 1880 г. был отправлен на поселение в Сибирь, где занимался земледелием и проживал и после окончания ссылки в 1891 г. От негласного надзора полиции был освобожден лишь в 1903 г.

Плотников Николай Александрович (1851—1886) — российский революционер, член основного кружка долгушинцев. За пропаганду среди крестьян в 1874 г. приговорен к лишению всех прав состояния и пяти годам каторги на заводах. Царь отказался смягчить приговор. За дерзкое поведение при объявлении приговора Плотников отбывал назначенные пять лет в Новобелгородском центральном. В

заклучении сошел с ума, в конце 1880 г. был переведен в Мценскую тюрьму, оттуда в Казанскую психиатрическую больницу, где и скончался. *Дмоховский Лев Адольфович* (1851—1881) — российский революционер, член основного кружка долгушинцев. Окончил Технологический университет. За пропаганду среди крестьян в 1874 г. приговорен к лишению всех прав состояния и 10 годам каторги на заводах. Царь отказался смягчить приговор. Наказание отбывал в Новобелгородском центре. В 1881 г. был отправлен в каторгу на Кару. По дороге заболел оспой и умер в Иркутской тюремной больнице.

[^^^]

Мозговой Петр Иванович (1851—?) — российский революционер. Учился в Харьковском ветеринарном институте. Участвовал в народническом кружке «Наши», основанном В. Зубриловым. Арестован в 1876 г. С 1878 г. содержался в Петропавловской крепости, в 1879 г. принял участие в тюремном бунте, за что был отправлен в Хоперскую окружную тюрьму. Вскоре был приговорен к четырем годам каторжных работ. Отбывал на Каре. Вышел на поселение в 1883 г., переехал в Томск.

[^^^]

Натансон Марк Андреевич (1849—1919) — выдающийся российский революционер и организатор. Из еврейской купеческой семьи, студент Медико-хирургической академии. Один из основателей «Большого общества пропаганды» (кружок чайковцев). В 1871 г. арестован и выслан в Архангельскую губернию, затем в Воронежскую губернию и в Финляндию. Бежал из ссылки в 1875 г., перешел на нелегальное положение, восстанавливал в Петербурге кружок чайковцев. В 1876—1877 гг. организовал «Общество северных народников», получившее в 1878 г. название «Земля и воля». В 1877 г. арестован и выслан в Восточную Сибирь. Вернулся Россию в 1893 г., участвовал в создании партии «Народное право», в 1894 г. был арестован при разгроме этой организации. Длительное время содержался в Петропавловской крепости, затем был выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. В 1902 г. вступил в возникшую партию эсеров, был членом ЦК. Во время I Мировой войны — в эмиграции, занимал интернационалистскую позицию, в

1917 г. был одним из вождей левых эсеров, представителем этой партии во ВЦИКе после Октябрьской революции. После мятежа левых эсеров в июле 1918 г. и распада этой партии Натансон вошел в отколовшуюся группу революционных коммунистов, вскоре примкнувших к РКП(б). Умер в Лозанне, куда выехал для лечения.

[^^^]

Костюрин Виктор Федорович (кличка *Алеша Попович*) (1853—1919) — российский революционер. Из дворян. В начале 1877 г. подвергался аресту, бежал. В том же году арестован вторично и приговорен по «процессу 193-х» к ссылке. Не был отправлен в ссылку и продолжал содержаться в Петропавловской крепости, так как был привлечен по делу о покушении Л.Г. Дейча и В.А. Малинки на предателя Н.Е. Гориновича. По этому делу одесским военно-окружным судом был приговорен к 10 годам каторжных работ на Каре, написал здесь неизданный роман «Гнездо террористов». На поселение вышел в 1885 г., в 1890-х гг. жил в Тобольске, где издавал местную газету. За участие в революции 1905 г. был выслан из Тобольска в Сургут. В 1917 г. проживал в Тобольске, где и умер.

[^^^]

Чудновский Соломон Лазаревич (1851—1912) — российский революционер. Из купеческой семьи. В 1869 г. исключен из Медико-хирургической академии за участие в студенческих беспорядках и выслан в родной Херсон. В 1871 г. — член одесского народнического кружка Ф.В. Волховского. В конце 1872 г. выехал за границу, вошел в сношения с П.Л. Лавровым, организовал транспорт нелегальных изданий, в начале 1874 г. арестован. После трех лет заключения предстал перед судом по «делу 193-х», на суде защищал себя сам. Был приговорен к 5 годам каторги, замененной ссылкой в Тобольскую губернию. В Ялуторовске Тобольской губернии арестован, отправлен в Курганскую тюрьму, где содержался до конца 1880 г. Затем проживал в Сибири, служил на государственной и частной службе, занимался этнографией и статистикой. В 1893 г. вернулся в Одессу. В 1905 г. примкнул к левой группе конституционных демократов. Умер в Одессе.

[^^^]

Смирительная рубашка.

[^^^]

Видимо, говоря о Харькове, Степняк имеет в виду беспорядки 1872 г., когда вся городская власть сбежала из города, а когда пишет о Киеве, имеет в виду панику, охватившую городских чиновников после покушения народо-вольцев на товарища прокурора Киевского округа М.М. Котляревского и убийства адъютанта киевского жандармского управления барона Г.Э. Гейкинга в 1878-м.

[^^^]